

Моей мамочке посвящается!

Павлик

Григорий Константинопольский

КО ШЕ ЧКА

Роман-пьеса

альпина
ПРОЗА

Москва, 2026

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
К58

Константинопольский Г.

К58 Кошечка : [роман-пьеса] / Григорий Константинопольский. — М. : Альпина нон-фикшн, 2026. — 128 с.

ISBN 978-5-00223-924-5

Пять разных героев. Пять столь не похожих друг на друга характеров и судеб. Они не знакомы друг с другом и вроде бы никак не могут пересечься... но последняя новелла соединит всех героев в один сюжет.

«Кошечка» откроет вам пять совершенно разных взглядов: младенца, успешного бизнесмена, писателя-неудачника, старухи-балерины и влюбленной девочки-подростка. Каждый из них живет ожиданием Великого Шанса — на любовь, на успех, на справедливость. Каждая из этих историй — притча о том, насколько велика разница между «быть» и «казаться».

Чем в реальности оборачивается сокровенная надежда на лучшую долю, на взаимность и богатство? В «Кошечке» есть пять разных ответов на этот вопрос. И каждый из них исключительно ироничен и пронзительно правдив...

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru

ISBN 978-5-00223-924-5

© Г. Константинопольский, 2009, 2026
© ООО «Альпина нон-фикшн», 2026

Содержание

Бешеная балерина

7

Брак по расчету

29

Странный сон

57

Крис-Мария де Левьер

79

Кошечка, или от автора

99

БЕШЕНАЯ БАЛЕРИНА

Действующие лица:

Балерина,
45 лет.

Сцена первая

*Квартира. День. На диване сидит балерина
в пачке и в пуантах, перевязанных атласными
лентами... На голове небольшая диадема...*

Балерина. Не-е-е... Нет. Нет... Я теперь не в форме... Это скверно... Это безобразие и никуда не годится... хотя я не танцую уже давно... Лет десять... Я растолстела, и лицо мое обрюзгло... проклятая наследственность... Я пью... Я курю... Мне нечего есть — я голодаю... У меня нет никакой работы... нет мужа... нет детей... родителей тоже нет... У меня нет денег... давно... лет семь... И друзей у меня тоже нет... кто предал меня, кого — я сама, остальные надоели... У меня не осталось больше поклонников... давно, лет пять... Уже давно я ничего не делаю... совсем... С утра я выхожу на улицу... обхожу мусорные баки и завтракаю... ну, может, не каждый день... но часто...

это как повезет... затем я иду гулять по любимым местам... прохожу мимо Театра... Но не захожу внутрь... не хочу... Впрочем, меня туда и не пустят... У нас нейтралитет... я знаю, что не пустят... и не захожу... Они, увидав меня, больше не выскакивают на улицу, не кидают в меня камней и не вызывают милицию... Я держусь независимо и спокойно: у меня есть охрана — собака... Белый бульдог... она у меня недавно... полтора года... Айседора... Айседора Дункан... я ее украла на улице... Кто-то привязал ее возле входа в магазин — наверное, думали, никто не решится подойти, — я решилась... подошла... отвязала и увела... По всему видно, что Айседора — кобель с явно выраженными гендерными признаками, но я зову его Айседора — из принципа... Я скрюченная преждевременным артритом (это профессиональное), одинокая сорокапятилетняя старуха... Безо всяких надежд на будущее... безо всяких надежд вообще... Если вдруг по какой-либо причине я умру — а причин для этого предостаточно, — меня найдут нескоро... некому... А-а-а!.. Похоже, вам меня жалко?! Не торопитесь... Не жалейте меня. Лучше послушайте...

Сцена вторая

...Пик моей карьеры пришелся на конец восьмидесятых... Вот я — выпускница хореографического училища... гибкая, легкая, звонкая как струна... Театр... мечты... надежды... меня взяли... И началось... Началась моя Борьба... борьба за Право быть... Анна Михайловна — старуха, преподававшая в училище, — твердила как молитву: талант ничего не решает — Жертвы, Упорство, Фанатизм и труд каторжника. Я хорошо запомнила. Жертвы — четыре мужа (гражданских, конечно) — никто не смог со мной прожить больше трех лет... я была я — только на сцене... дома — нервный труп... гастроли... поклонники... Три аборта... Детей нельзя — только сцена... Жертвы... Упрямство — после первого сезона в театре стало ясно: главных ролей мне не дадут просто так — надо бороться... Интриги... роман с директором театра и с его сыном... скандал... оба женаты... подруги — сплетни, зависть... тоска... лезвие бритвы в пуантах... серная кислота в графине для воды... Фанатизм и труд каторжника:

сон — три часа, до утреннего прогона одна в зале — разминка, после вечернего спектакля — одна в зале — отрабатывать, оттачивать, доводить до совершенства, голодные обмороки... никогда не плакала — всегда улыбалась, и вот... И вот первый успех... Свет софитов — занавес и браво! Бис!.. Дьявол сверкал очами... или благодать — трудно понять... сложные ощущения... Нет, не то — просто спокойное, уверенное знание, что вот оно, это мое место, для этого я рождена... первый раз слезы — счастлива... счастлива... И далее по кругу: Жертвы — потянула сухожилия... восстановилась... Умер отец — на похоронах не была: гастроли... Вступила в Партию... способствует продвижению... Анонимка: мой нравственный портрет — разбор на партсобрании... Обошлось... Упрямство... влюбилась — мальчик... Алеша... Нежный, вдохновенный... звал замуж... первый раз в жизни не хочу вставать с постели... его отец — дипломат на каких-то там островах... всей семьей на мои спектакли... купили нам квартиру... Алеша... «Брось к черту ты этот балет — себя калечишь...» Алеша... нет сил бороться... опасно — переспала с его другом — сделала так, что он узнал... Он побледнел...

Сцена третья

...Сегодня торжественный день — 25-е число, я получаю пенсию... чистыми 12 тысяч рублей... 350 долларов... Я захожу в отделение банка — километровая очередь... Мы с Айседорой проходим, ни на кого не глядя, и направляемся прямо к окошечку... Иду, высоко подняв голову, и улыбаюсь... Балетная поступь... Охранник делает шаг в мою сторону — но спорить не решается, никто не решается: Айседора грозно скалит клыки... Сразу видно, что я сумасшедшая, и связываться со мной никто не хочет... снимаю деньги с книжки, плачу три тысячи за квартиру — остается девять... Я выхожу из банка и иду в магазин... Но я не покупаю дешевую барматель... никогда! На три тысячи рублей я покупаю полтора литра французского коньяка «Эдуард III VS».

Я буду пить его по чуть-чуть целый месяц — до следующей пенсии... У меня остается шесть тысяч рублей, и наступает самый главный момент месяца: я иду

к Орловской!.. Прохожу мимо церкви, но не крещусь — молча, высоко подняв голову, подхожу к нищим и раздаю им мелочь, рублей двадцать, — то, что я нашла за месяц на улице... Они меня узнают и радостно кланяются — бормочут слова благодарности и суетно крестятся... Айседора смотрит сквозь них, глотая слюни... они ей неинтересны... Раздав мелочь, я прохожу вдоль бульвара и поднимаюсь к Орловской... Звоню в дверь... За дверью торопливые шаркающие шаги... Дверь открывается... «Варечка!» Варечка — это я... Орловская похожа на клубок шерстяных ниток — полная и вся в каких-то драных кофтах... из кухни выползают еще две старые облезлые гримзы — Матвеева и Кирсен... мои бывшие подруги... они на троих снимают однокомнатную квартиру... Каждая из них получает пенсию, и еще все они где-то прирабатывают на стороне — кто уборщицей... кто лифтершей... Орловская даже преподает в училище!.. А живут как в богадельне... Они, охая и лебезя предомной, ведут меня на кухню и усаживают пить чай... Идиотки — считают меня миллионщицей... Пусть... Я их не собираюсь переубеждать... Пока пьем чай, они трещат без умолку — в основном старые сплетни про старых знакомых, жалобы на здоровье и нищету... Ни у кого из них, так же как и у меня, нет ни мужей, ни детей... я молча слушаю и лишь иногда киваю головой на вопросы: а ты такую-то помнишь... а ты слышала — и т.д. Наконец чай выпит — и мы сидим

молча... они насторожились и ждут... я делаю вид, что не вижу этого... Оттягиваю момент... Наконец, когда Кирсен начинает поскуливать от нетерпения — так что даже Айседора удивленно смотрит на нее... я наконец встаю и прощаюсь... Ах да!.. Я вот вам тут принесла... И я отдаю им пять тысяч рублей из шести... Это моя им помощь... чтоб не голодали... Я могла бы им отдать все шесть — на троих вышло б по две тысячи ровно... Но я специально даю пять: ну, во-первых, тысяча мне самой сегодня еще пригодится, а во-вторых — я знаю наверняка, что после моего ухода они будут делить деньги и перегрызутся до смерти: пять на троих разделить поровну невозможно... Выйдя от Орловской, я иду к Новодевичьему кладбищу... По дороге покупаю цветы... на всю тысячу — дорогие... неважно — четное количество... Я прохожу мимо крестов и генеральских надгробий... Там у потрескавшейся кирпичной стены могила... Алеши... я вытираю снег или пыль — в зависимости от времени года — с его доски... кладу цветы, сажусь на скамейку... и вспоминаю... иногда плачу... Старая стала...

Сцена четвертая

...Когда Алеша узнал о моей измене, то, как я и рассчитывала, бросил меня... Но потом хотел вернуться и даже умолял меня его простить... Но Жертвы — Упрямство — Фанатизм... я не согласилась... он пил... не работал... однажды пьяный выпал случайно из окна... и разбился... Его отец проклял меня... И тут случился ГКЧП... 91 год — переворот... Страна разделилась на консерваторов и реформаторов... И в театре тоже революция: две группировки — две партии... Я, конечно, с реформаторами... помнится, даже к Белому дому ходила — на танки глядеть... Три дня борьбы и нервов... И если в жизни победили реформаторы, то в нашем театре верх одержало консервативное крыло — парадокс, но у них оказались хорошие связи в руководстве победивших... Два года прозябала без всяких перспектив... В личном тоже ничего серьезного — так, какой-то брокер невнятный... или кооператор — я в этом не разбираюсь... раздражал его малиновый пиджак и туфли «Саламандра»

без каблуков... Мне исполнилось тридцать... умерла мама... Как и раньше — сутками в балетном зале... слежу за фигурой... ем овощи... первая подтяжка... Время для решающего удара... И вот оно — произошло!.. Я всегда работала только по профессии: если хочешь чего-то добиться в своем деле, зарабатывать деньги только этим — мое правило с юности... Как-то один знакомый режиссер пригласил меня сняться в клипе у Жени Кемеровского... на съемках я познакомилась со спонсором клипа — Коля Атлас, вор в законе, криминальный авторитет... (Атлас — это его кличка, все тело в куполах и крестах — татуировки...) Как меня увидел — взбесился, прямо со съемок улетели в Ниццу... Личный самолет... В Ницце весь отель снял... Тарелки себе об голову бил, из отеля до машины на руках носил... Сам огромный, кулак как моя голова... глаза волчьи, но когда на меня смотрел — какой-то детский испуг, говорил, что не мог поверить, что я с ним соглашусь уехать... Смешил меня своей разбойничьей покорностью... Даже жениться хотел, но ему не разрешили: у них, у бандитов этих, свои законы есть — им ни жены, ни детей официальных нельзя... как у нас почти... Купил мне квартиру в центре... сделал в ней танцкласс — небольшой станок и зеркала повсюду... Три года прожили... Он когда в театр приходил, с ним охраны — человек десять, президентские ложи... Цветы — корзинами... Он меня уважал — за то, что вкалывала с утра до ночи...

говорил, похожи: оба бешеные... В театре меня бояться стали... Но я у него никогда ничего не просила... «А что ты хочешь? — говорит однажды. — Чего хочешь от жизни?» Поговорили... «Ну хочешь, — говорит, — я тебе твой театр куплю? Хочешь, он твой будет — навсегда, что захочешь, то там и будешь делать: хочешь — работай, а хочешь — продай или сожги...» «Не нужен мне Театр, — говорю, — хочу Жизель танцевать...» «Не вопрос», — говорит. Театр на Колины деньги отремонтировали, он заплатил всем: и директору, и постановщикам — хотя мог бы просто им приказать, и мне бы роль и так дали, но он заплатил за все: за новые декорации, за костюмы. За новую постановку, за рекламу... за фильм на пленку — хотел увековечить меня... Он меня любил, и мне он нравился — с ним покойно было душе моей... хоть для всех вокруг он душегубом был... Неожиданно за две недели до премьеры звонит, говорит, уехать надо, меня взять не может, когда вернется — не знает... Уехал... Через неделю — репортаж в новостях: в Таиланде застрелили его... Показывают: лежит в багажнике машины... Меня — на Петровку на допросы, два следователя, молодые, всё про деньги спрашивали — общак какой-то... обыски, понятия... Премьера отложились на месяц, мотивировали: дескать, не все деньги заплачены... и через месяц меня сняли с роли и утвердили Орловскую... В лицо мне улыбались бесстыдно: мол, а что ты сделаешь, бандит твой — того-с...

И тогда я решила сжечь Театр на хуй!.. Спустилась ночью в оркестровую яму, облила бензином и подожгла... Театр чудом уцелел — но сцена со всеми новыми декорациями сгорела дотла... Меня арестовали по подозрению в поджоге — хоть я и не скрывала, — и в СИЗО на полгода... Пять лет хотели за поджог... Объявился Колин младший брат... Выкупил меня... отпустили... Дело предлагал. Говорит: «У меня на Патриарших бордель, хочешь — будь хозяйкой». Я благодарила, но отказалась — правило: деньги зарабатывать только своей профессией — Упрямство... Из театра, конечно, уволили...

Сцена пятая

...А чем, собственно, артист балета отличается от всех остальных артистов?.. Вот я недавно слышала, что одна драматическая актриса родила пятого ребенка в 45 лет. (Орловская сказала... или Кирсен — неважно...) Ну вот... родила... Драматические артисты — убогие дилетанты... Все, чем они располагают в профессиональном смысле, — человеческая харизма и обаяние — это их сценический инструмент... Они могут всю жизнь пить, рожать, валяться на диване... они могут позволить себе ничего не делать... но они будут играть на сцене и сниматься в кино до ста лет... Оперные артисты — певцы и музыканты, их сценический инструмент — голос или владение инструментом... голос и умения также не стареют... можно быть рухлядью и развалиной, но голос твой юн и инструмент послушен... А артисты балета — их инструментом является тело... тело стареет быстро — в 35 лет пенсия... и в этом тлене есть что-то божественное и исключительное — наперекор всему...

вопреки природе... как любовь... кажется, что эти руки и ноги всегда будут послушны... но время проходит, и ты с ужасом замечаешь, что больше ничего не можешь — что стал каменным и деревянным... и даже железная, исключительная, смертельная воля не спасает тебя... Из меня могла бы выйти монахиня... Я бы только молилась и томила бы плоть лишениями... По сути, я и есть монахиня... но, к сожалению, я не верю в Бога... Говорят, все большие художники не могут не верить... Не знаю... Все, что со мной произошло в жизни, — исключительно по моей вине, и в этом смысле я не рассчитываю на справедливость... Но Вера и Бог — не театральная бухгалтерия... если бы Бог был — должно бы было быть что-то большее, чем сухая справедливость... А где же милосердие — великодушие?.. Могла бы быть незаслуженная радость и незаработанная благодать — невыслуженная ласка и утешение... А так — выходит уже просто басня Крылова: «Так поди же — попляши!» Не-ет... нет. Мой Бог — Жертва, Упрямство и Фанатизм... только в это я и верю... И не жалейте меня, мне не нужно ваше сочувствие — я его не заслужила... «Как кому повезет» — так любил говорить Коля Атлас...

Сцена шестая

...Из театра меня, конечно, уволили... Но пенсию оставили — наверное, опасались, что я с ними судиться буду... Ну или согласно закону... я не разбираюсь... Позвонил Женя Кемеровский и предложил ехать с ним на гастроли — работать у него на подтанцовке... Я подумала и согласилась... Поездки... города... Скучно: публика — дрянь... не мой профиль — в основном уголовники или сочувствующие... Роман с Виктором — юрист — младше меня на десять лет... Называл меня — Железный Феликс... Я, как и раньше, — с утра до ночи у станка... Фанатизм... предложил продать мою квартиру и открыть бизнес... Я отказала... Бросил... Значит, что-то изменилось. Первый, кто бросил, — раньше только я... Решила: он будет последним — с тех пор ни одного мужчины у меня не было... Работала в цирке... танцевала в варьете... даже стриптиз... В стриптиз меня Кирсен позвала... Пробовала пойти преподавать, но, памятуя историю о поджоге, в училище при театре меня не взяли — занималась

с девочками на дому... Но я не люблю детей... я смотрю на них и думаю о том, что у меня детей нет и уже никогда не будет... в такие моменты становилось нестерпимо больно... наверное, все-таки я не Железный Феликс, я отказалась от учениц... и решила: поздно жизнь менять, как повелось — так и будет, пусть умру — но станок не брошу...

Сцена седьмая

...Я выхожу с кладбища и не торопясь иду по улице... Обхожу мусорные баки — хорошо бы разжиться чем-нибудь на обед... Меня никто не трогает — ни милиция, ни мальчишки, ни конкуренты, Айседора степенно следует за мной... еды себе я так и не нашла — Айседоре повезло больше: она, деловито обнюхав опрокинутый мною бак, что-то нашла и съела... но зато я отрыла практически новые сапоги, и к тому же моего размера... у меня есть несколько пар, и эти я могла бы продать на барахолке — но я следую своему правилу: добывай деньги только профессией... Я поднимаюсь домой, раздеваюсь, переодеваюсь и становлюсь к станку... Что ж — скорее всего, я умру с голода или от какой-нибудь болезни... В прошлом году я чем-то отравилась, и мне уже виделись ангелы в балетных пачках... или это были черти... неважно... выжила... я крепкая... Да, скорее всего, я скоро умру... но если вдруг мне каким-либо невероятным образом неожиданно выпадет Новый Шанс — я приму его

в полной боевой готовности... Я буду в форме — несмотря ни на что... Раз-два-три... Раз-два-три... Жаль только, за всю мою карьеру я так и не исполнила ни одной ведущей партии... я танцевала в трех постановках... в кордебалете... почти в массовке... ничего... Жертвы — Упрямство — Фанатизм...

...Ах да!.. Вот еще что... Мне многие говорили: и в театре, и Алеша, и даже Коля... что у меня нет таланта... Пф!.. Талант — ничего не решает!.. Дураки!..

БРАК ПО РАСЧЕТУ

*...Сюжет взят из раздела
«Светская хроника»
журнала «Богачи»...*

Павлик

